

П. Хр. ПЕТРОВ

О ТИТУЛАХ „СЕВАСТ“ И „ПРОТОСЕВАСТ“ В СРЕДНЕВЕКОВОМ БОЛГАРСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

По сравнению с другими титулами и названиями должностей, употреблявшимися в средневековом болгарском государстве, термин „севаст“ встречается особенно часто. Сведения о севастах известны из византийских источников и надписей. В болгарских памятниках о севастах упоминается в четырех грамотах — Ватопедской, Виргинской, Мракской и Рильской¹, а также и в трех надписях — Станимакской², Боженицкой³ и на одном блюде XII—XIII вв., находящемся в Белградском музее⁴.

Но значение этого слова применительно к Болгарии и до сего времени не выяснено полностью. Почти всегда, когда тот или иной автор рассматривал этот вопрос, он в большей или меньшей степени отдавал предпочтение некоторым из надписей и как бы пренебрегал остальными сведениями. Особенно часто недооценивались данные грамот. Почти не были использованы при разрешении этого вопроса и те византийские источники, которые относятся к болгарской истории. Все это, а также и недостаточно критическое заимствование сведений из истории Сербии и Византии привело к одностороннему рассмотрению вопроса, к выводам, которые не учитывали специфических условий болгарской действительности и не сообразовывались с ними.

Характерными в этом отношении были уже высказывания К. Иречека. Основываясь главным образом на сербских источниках, он писал, что севаст был чиновником, исполнявшим судебные функции: „Одним из главных чиновников (в области. — П. П.), был, как и в Сербии, севаст (*σεβαστός*), который осуществлял судебную власть“⁵.

Авторитет Иречека оказал решительное влияние на дальнейшие исследования. Так, например, С. С. Бобчев считал, что севасты были чиновниками, которые, не будучи собственно судьями, направлялись для выполнения некоторых судебных функций⁶, а по Г. Ильинскому, это были администраторы с судейской властью⁷.

¹ См. Й. Иванов. Български старини из Македонија. София, 1931, стр. 576—577, 581—587, 591—594, 597—600; ср. Ив. Дуйчев. Стара българска книжнина, т. II. София, 1944, стр. 40—42, 55—63, 130—134, 177—182.

² В. Н. Златарски. Асеновиат надпис при Станимака. ИБАД, год. II, кн. 2, 1912, стр. 131—147.

³ П. Мутафчиев. Боженишкият надпис. СпБАН, т. XXII, 1921, стр. 88—116.

⁴ Г. Баласчев. Старобългарско блюдо с надпис от XII—XIII век. „Минало“, год. III, кн. 9, 1914, стр. 3—11.

⁵ К. Иречек. История на българите. Търново, 1886, стр. 514.

⁶ С. С. Бобчев. История на българското право. София, 1910, стр. 350.

⁷ Г. А. Ильинский. Грамоты болгарских царей. М., 1911, стр. 119—120.

Согласно Г. Баласчеву, „в каждой области Болгарии было много севастов, но нам еще не ясно, какова была их должность“⁸. Из этого высказывания, а также и из более позднего его утверждения, что титул севаста „давался и не очень влиятельным лицам“⁹, видно, что по мнению Баласчева — это категория обыкновенных провинциальных чиновников.

Иным было мнение П. Мутафчиева. Он считал, что это был титул, подчеркивавший почетное положение некоторых бояр среди остальных, но не их должность, т. е. звание севаст не было „непременно связано с известным служебным положением“¹⁰. Мутафчиева полностью поддерживал и М. Ласкарис¹¹.

По-другому разрешает вопрос Ив. Дуйчев. Основываясь преимущественно на материале грамот, он пишет: „Можно, следовательно, приять, что севасты в средневековой Болгарии были высшими государственными чиновниками, может быть, управителями областей и городов, облеченными финансовой и судебной, а иногда и военной властью“¹².

Наконец, по мнению Д. Ангелова, высказанному им в „Истории болгарского государства и права“, севасты были чиновниками, подчиненными дукам (катепанам), и выполняли некоторые налоговые функции¹³. В другом месте Д. Ангелов, пишет, что севасты выполняли службы административного характера¹⁴.

Мы видим, таким образом, что разногласия относительно значения термина „севаст“ в средневековой Болгарии настолько значительны, что попытка систематически исследовать этот вопрос является вполне обоснованной.

О ТИТУЛЕ „СЕВАСТ“

Как известно, слово „севаст“ было заимствовано от византийцев. В Византии до второй половины XI в. это был титул, который носил сам император¹⁵. Со времен Алексея Комнина (1081—1118) он получил широкое распространение и в начале XIII в. присваивался высшим административным провинциальным правителям. С этим значением он был перенесен и в Болгарию.

Для Болгарии значение термина „севаст“ лучше всего можно выяснить по грамотам, в которых он упоминается рядом со многими другими титулами и должностями. Следует обратить внимание, что из семи болгарских грамот титул „севаст“ отсутствует только в трех. Две из них — Зографская и Брашовская — касаются владений и привилегий, не подпадавших под власть болгарского государства, вследствие чего не было необходимости перечислять права и обязанности административных чиновников (по тем же самым соображениям упоминания о севастах).

⁸ Г. Баласчев. Златопечатното слово от цар Иван Шишман, дадено на Рилския манастир. „Минало“, год. I, кн. 4, 1910, стр. 410—411.

⁹ Г. Баласчев. Старобългарско блюдо, стр. 11.

¹⁰ П. Мутафчиев. Божишикият надпис, стр. 95.

¹¹ М.-Ласкарис. Ватопедската грамота на царь Иван Асен II. София, 1930, стр. 37.

¹² Ив. Дуйчев. Ук. соч., стр. 317.

¹³ Д. Ангелов и М. Андреев. История на българската държава и право. София, 1955, стр. 122, 126. По Д. Ангелову, катепаны были правителями небольших административных единиц, на которые разделялись области. А раз севасты, по его мнению, были подчинены и катепанам, очевидно, он причисляет севастов к категории совсем мелких провинциальных чиновников.

¹⁴ История на България, т. I. София, 1954, стр. 198.

¹⁵ Anna Comnena, I. p. 147.

стах, как и о других подобных титульных терминах, опущены и в торговых договорах). Что же касается Витошской грамоты, в которой точно так же отсутствует слово „севаст“, то об этом речь будет дальше.

В Ватопедской грамоте Ивана Асеня II сказано: „А практори ѿр ми пос[ъ]лаемъ пѡ всѣ] врѣмена въсприемати дани. и съврш[и]ти всѣ[с]кѣ] ра[бшты] ѿр ми еже сѣтъ. севасты. дѣкъ. катепаны. десяткаре. п[са]ре. апѡкрисѣре, апѡдѡхаторы. и ины прѡчии ѿ [мал]ѣхъ д[а]ж[е] и д[ѡ] великѣхъ. никтоже такѡвыхъ да имать ѡбласти. влѣсти бѣхма ни ногъ пѡстави. въ метѡхы стго мѡнастирѣ тѡгѡ. ни писати. ни дани взяти. ни кѡмѡ[д]ѣ. ни митатѣ. ни апѡдѡхѣ. ни винѡ, ни хлѣбъ. ни зѡбъ. ни дес[ятъ]кѣ то ни е[н]гарепсат[и] люди н[а]в[с]ѣхъскѣ рабшты ѿр ми ни [сам]ѣхъ ихъ. [н]и имъ кѡнѣ, н[и] имъ зевгарѣ, [ни имъ] ѡслѣта“¹⁶.

Тут прежде всего мы совершенно ясно видим, что севасты включены в число практоров, т. е., как показал Ласкарис¹⁷, царских чиновников. Уже это обстоятельство свидетельствует, что они имели вполне определенную службу именно как севасты, и опровергает приведенное выше утверждение Мутафчиева о том, что будто бы упомянутый титул не был непременно связан с „известным служебным положением“. Против мнения Мутафчиева свидетельствует и сама формулировка грамоты: „посылаемые моим величеством... чтобы собирать дань и выполнять различные службы“. Понятно, что это выражение не следует толковать буквально, т. е. в том смысле, что все перечисленные в грамоте категории практоров всегда и всюду посылались центральной властью. Было бы наивно утверждать, что взимание многочисленных налогов, пошлин и штрафов было так централизовано, что все чиновники, включительно до „десяткарей“, назначались непосредственно из центра. Этой формулировкой составители грамоты стремились лишь подчеркнуть значение власти чиновников как исходящей непосредственно от царя. Но высшие чиновники, и в первую очередь севасты, поставленные во главе чиновной иерархии, несомненно, назначались из центра. Остальные же категории практоров, перечисленные после севаста, или были назначаемы севастом или, по меньшей мере, ему подчинены¹⁸.

Такое же положение и в Виргинской грамоте Константина Асеня. Тут сказано: „Люѣ, кои сааѣрѣтаѣтъ въ гра' Скопскомъ... да не работѣтъ въ ѿринѣ никоѣ работѣ, ни да даваѣтъ никоѣ приплатѣ, ни да

¹⁶ Й. Иванов. Ук. соч., стр. 576.

¹⁷ М. Ласкарис. Ук. соч., стр. 35.

¹⁸ По вопросу о соотношении севастов с другими высшими административными областными чиновниками в литературе существуют глубокие разногласия. Так, например, Д. Ангелов („История на българската държава и право“, стр. 122) правильно отмечает, что раз катепаны поставлены в грамотах после дук, они были ниже последних. Но почему этот критерий не приложить и к севастам, которые в грамотах стоят и перед дукими, и перед катепанами? Почему дук объявлять „областными правителями“, „непосредственным органом царя“, а катепанов высшими областными чиновниками, севастов же обыкновенными административными чиновниками? Не правильнее ли именно севастов, поставленных во главе административной лестницы, считать правителями областей? По К. Иречку (ук. соч., стр. 513), во главе областей стояли кефалии и дуки. По С. С. Бобчеву (ук. соч., стр. 347), во главе области стоял жупан, а во главе отдельных гарнизонов — кефалии (называвшиеся еще катепанами). По Г. Ильинскому (ук. соч., стр. 120), термин „кефалия“ является синонимом дук, а „кастрофилак“ — катепана. Согласно П. Мутафчиеву („Боженишкит надпис“, стр. 98), во главе области стоял кефалия. Д. Ангелов (ук. соч., стр. 122) считает, что областным правителем был дук или кефалия, а катепаны были правителями отдельных административных единиц, на которые разделялась об-

метеха с ними ни сева¹⁹ ни прахторь, [ни] князь, ни кастрофилакь, ни вата, ни топщикаль, ни сѣдити, ни свѣзати, ни глабѣ възати, никой доходокъ“¹⁹. И несколько дальше: „а ѿ работникѣ црв ми... ни севасть, ни дѣка, ни кастрофилакь, ни прахтори, ни к'назь, ни тѣпщикаль, ни винарь...“ и т. д.²⁰ И тут севаст упомянут первым из всех чиновников, предшествует и дуке, и кастрофилаку; ясно, что его деятельность связана с судебной и налоговой властью²¹.

Примерно то же самое мы видим и в Мракской грамоте. „А ѿ всѣхъ болѣрь, — читаем мы там, — и работникѣ црва ми, малых же и великѣ, посылаемыхъ по всѣ врѣмена по вс'ей хорѣ въсприемати дани и съдрѣжати въсѣкѣа работы црва ми, еже сѣ настоѣщий севасти хоры том, дуки, катепани, писци, десѣткаре всѣци...“ и т. д.²² И дальше: „И глобы... да не метехсѣтъ з глобамы севасти“²³, ни прахтори црва ми, развѣ архимай рить, да си вѣзма в монастырь що е правина“²⁴. И тут обязанность севаста определенно связана с управлением областью. Кроме того, указание на право собирать штрафы во владениях монастыря переходит после издания грамоты к архимандриту и свидетельствует о том, что обычно этим правом располагали именно севасты. Другими словами, в их обязанности входили и финансово-административные функции.

Не составляют исключения из всего сказанного выше и сведения Рильской грамоты. „И прѣщает и освобождает цртво ми люди въсе и села въсѣ того монастырѣ цртва ми... да имѣ не смѣѣтъ забавлѣти, иже сѣ севасти и прахтѣри и примикюри и алагатары, ни сѣдѣ, потѣ ни перпираке...“ и т. д.²⁵

И тут севаст стоит во главе иерархии чиновников и выделен как первое должностное лицо в области. А тот факт, что после него упомянуты судьи, свидетельствует, что они были подчинены севасту, но он сам не был судьей. И это свидетельство Рильской грамоты опровергает утверждения тех авторов, которые считают, что севаст был обыкновенным провинциальным чиновником, исполнявшим судебные функции.

Итак, данные грамот самым категорическим образом подтверждают, что севасты были высшими административными чиновниками, управителями областей, в руках которых была сосредоточена вся власть. В их подчинении находились остальные чиновники области — административные, финансовые и военные.

¹⁹ Й. Иванов. Ук. соч., стр. 582.

²⁰ Й. Иванов. Ук. соч., стр. 586.

²¹ См. Ив. Дуйчев. Ук. соч., стр. 316. Виргинская грамота является фальшивкой XIV в., но составлена на основе одной сербской грамоты и некоторых старых болгарских грамот. Исследование текстов показывает, что приведенные выше отрывки могут быть использованы как источник по болгарской истории (см. подробнее об этом в статье П. Петрова „Към въпроса за автентичността на Виргинската грамота и достоверността на съдържащите се в нея сведения“ ГСУ фиф, т. LI, кл. 2, 1958, стр. 171—251).

²² Й. Иванов. Ук. соч., стр. 592; Ив. Дуйчев. Ук. соч., стр. 132.

²³ Хотя слово „севаст“ поставлено во множественном числе, не следует думать, что в области имелось по несколько севастов. Множественное число тут употреблено ради согласования с остальными должностями — дуками, катепанами и т. д. Кроме того, следует отметить, что и здесь остальные чиновники обозначены общим термином „практоры“ и поставлены после севаста, т. е. как его подчиненные.

²⁴ Й. Иванов. Ук. соч., стр. 593.

²⁵ Й. Иванов. Ук. соч., стр. 598.

Сведения грамот и сделанные выше выводы подтверждаются и всеми другими материалами о севастах в Болгарии.

1. *Севаст Цузмен*. Надпись на староболгарском блюде конца XII или начала XIII в. гласит: „цузьмень севаст“. До сих пор эту надпись не привлекали при изучении вопроса о служебном положении севастов. Объясняется это главным образом тем, что издатель надписи Г. Баласчев не идентифицировал севаста Цузмена с каким-либо из известных нам лиц с таким именем. Он ограничился только тем, что остановился на двух, по его мнению, наиболее вероятных вариантах такой идентификации.

Первый из них связан с Марией Цусменной, дочерью византийского императора Иоанна Комнина (1118—1143) и тещей некоего Никифора Патрольфа. Имя „Цузмена“ Мария Комнина могла получить лишь в результате брака с каким-то печенежским военачальником. Но Баласчев считает совершенно невозможным, чтобы наш севаст Цузмен был этим императорским зятем, так как, по мнению Баласчева, титул севаста „давался и не очень влиятельным лицам“²⁶ и византийский император не согласился бы на брак своей дочери с человеком, имевшим такое звание. Но это соображение Баласчева является несостоятельным. Прежде всего, нельзя аргументировать недоказанным утверждением, что титул „севаст“ давался невлиятельным лицам. Кроме того, известно, что в Византии династические браки определялись прежде всего политическими соображениями и императоры далеко не всегда пунктуально соблюдали в этой области принципы престижа, особенно, если дело касалось привлечения на свою сторону вождей печенежских, куманских, татарских и других племен. Наконец, еще М. Дринов отметил прямое свидетельство о браке севаста с представительницей правящей династии. Речь идет о севасте Григории Камоне, правителе Арбанаской области²⁷, который около 1216 г. стал зятем великого сербского жупана Стефана Первовенчанного²⁸. Значительно более серьезным возражением против идентификации севаста Цузмена с зятем императора является то обстоятельство, что документ, в котором находится имя Марии Цусмены, „сомнительного происхождения и с сомнительной датой“²⁹.

Второй отмеченный Баласчевым вариант относится к болгарскому боярину *Τζουζμενος* (Цуисмен или Чисмен), который во времена Калояна, после отстранения Добромира Хриза, был назначен правителем Македонской области с центром в крепости Просек и который принимал активное участие в войне болгар против латинян, особенно при первой осаде Солуни. Но и тут Баласчев отвергает возможность тождественности севаста Цузмена с Калояновым военачальником Цузменом (Чьсменом) на том основании, что последний управлял Просеком вместе с большой частью Македонии, а „правители обширных областей носили гораздо более высокие звания, чем севаст“³⁰.

²⁶ Г. Баласчев. Староболгарско блюдо, стр. 11.

²⁷ Арбанаская область (Арбана или Албана) в начале XIII в. начиналась недалеко от Драча (Дурреса), простиралась на северо-запад, восток, охватывала весь Кройский округ с Миридитскими и отчасти Дукапинскими горами и достигала сербских владений при р. Дрин (см. М. Дринов. О некоторых трудах Димитрия Хоматиана как историческом материале. Съчинения, т. I. София, 1909, стр. 599). Об Арбанаской земле встречаются упоминания и позднее, например, во время Ивана Асеня II (см. В. Н. Златарски. Асеновият надпис при Станимака, стр. 243—244; Ив. Дуйчев. Ук. соч., стр. 39 и 43).

²⁸ М. Дринов. Ук. соч., стр. 602—603.

²⁹ Г. Баласчев. Староболгарско блюдо, стр. 6.

³⁰ Там же, стр. 7—11.

Тут возражения Баласчева еще более несостоятельны. Ведь и здесь он пытается опереться прежде всего на совершенно недоказанное утверждение о низком общественном положении севастов, что, повторяем, является абсолютно неправомерным. Нельзя в связи с этим определять, было ли то или иное лицо севастом, основываясь только на величине области, которой оно управляло. Несостоятельна, наконец, ссылка Баласчева на то обстоятельство, что раз наследником Калоянова военачальника был *севастократор* Стрез, то и Цузмен (Чъсмен) должен был быть лицом, по меньшей мере, такого же ранга. Но можно ли по величине владений Стреза судить о положении Цузмена (Чъсмена)? Ведь Цузмен был правителем области при чрезвычайно сильной центральной власти, он был назначен Калояном, а севастократор Стрез действовал в совершенно иных условиях и обособился от центрального правительства как независимый властитель. Кроме того, власть Стреза простиралась на значительно бóльшую территорию, нежели область Калоянова боярина.

В отличие от Г. Баласчева мы думаем, что имеется полная возможность отождествить севаста Цузмена с Калояновым военачальником Цузменом (Чъсменом): имя Цузмен встречается в источниках настолько редко, что нельзя предположить случайное совпадение имен: в начале XIII в., когда титул „севаст“ был перенесен в Болгарию, он давался высшим представителям государственной администрации, в том числе и назначавшимся центральной властью правителям областей; надпись севаста Цузмена относится, как установил по палеографическим данным проф. Б. Цонев, к тому же времени, когда жил и Калоянов военачальник Цузмен³¹. Все это дает нам право с уверенностью утверждать, что Калоянов боярин Цузмен был севастом. А этот вывод свидетельствует, в свою очередь, о высоком общественном положении севастов в государстве, о том, что в их руках сосредоточивалась огромная власть. Вместе с тем приведенный выше случай, как и некоторые из следующих, показывает, насколько неправильно слепо придерживаться мнения Иречека и механически заимствовать сербские сведения о низком общественном положении севастов.

2. *Севаст Прибо*. После битвы при Клокотнице (1230 г.) управителем Скопской области был назначен севаст Прибо. Высокое общественное положение этого болгарского боярина видно уже из того факта, что он вмешивался в деятельность церковного правосудия и мог добиваться отмены решения скопского епископа. Нам известен, например, такой случай. В драке между слугами севаста Прибо и жителями с. Еахово (недалеко от г. Скопле) на стороне людей севаста принял участие и священник Драгомир из этого села. Обвиненный в соучастии в совершении убийства, Драгомир был лишен права совершать священнодействия и отлучен от церкви. Севаст Прибо заступился за Драгомира и даже написал скопскому епископу специальную записку о невинности священника. Но епископ отказал в удовлетворении просьбы Драгомира. Тогда вопрос был передан охридскому архиепископу Димитрию Хоматиану. Так как архиепископия переживала тогда некоторые трудности, Хоматиан не мог отказать Драгомиру, поскольку его поддерживал сильный болгарский боярин севаст Прибо. В конце концов Димитрий Хоматиан настоял на том, чтобы скопский

³¹ Палеографическая оценка надписи сделана Б. Цоневым. См. Г. Баласчев. Старобългарско блюдо, стр. 4—6.

епископ отменил свое решение, хотя по существу вопрос подлежал компетенции только синода³².

Несколькими годами позднее тот же самый севаст Прибо был возведен в протосеасты и как таковой сделался ктиторм церковки Св. Петки и подарил ей в феодальное владение с. Тморани в Скопской области.³³

Нам неизвестно точно, в силу каких причин севаст Прибо получил одно из самых высоких отличий в средневековом болгарском государстве — титул протосеаста. Можно только предполагать, что некоторую роль сыграло то обстоятельство, что его владения находились в Скопской области, на правом берегу р. Вардар, между Скопле и Велес³⁴ и он, следовательно, занимал центральное положение среди остальных болгарских областных управителей в юго-западных болгарских землях. Но сейчас нам важно отметить другое, а именно, что приведенные выше сведения являются неоспоримым, хотя и единственным пока доказательством того, что одно лицо из севастов повышено непосредственно в протосеасты. Только этого одного факта достаточно для решительного опровержения мнения тех ученых, которые утверждают, что севасты будто бы были заурядными провинциальными чиновниками.

3. *Севаст Владимир и его брат.* В одной из самых больших церквей г. Мельника — Св. Николая — находится ктиторская надпись, которая гласит: „Молением божьего раба севаста Владимира, единоутробного брата севаста франков“ (Δέησις τοῦ δοῦλου τοῦ Θεοῦ σεβαστοῦ τοῦ Βλαδὶμήτρου, αὐταδέλφου σεβαστοῦ τῶν Φράγγων)³⁵.

Прежде всего возникает вопрос: кто это тот „севаст франков“, чье имя не упомянуто? Нет сомнения, что речь идет не о каком-то мелком провинциальном чиновнике или вообще о незначительной личности, но о человеке, занимавшем ответственный пост, — лице, которое было хорошо известно уже только по своему титулу „севаст франков“, даже без упоминания имени. Этот факт сам по себе красноречиво говорит о высоком значении титула „севаст“, и это станет для нас еще более несомненным, после того как мы идентифицируем „севаста франков“ с каким-либо из известных нам исторических деятелей.

Сообщивший о надписи Й. Иванов пишет: „Неясно, кто был тот «севаст франков», братом которого был Владимир. Не подразумевался ли в этом случае под „севастом франков“ деспот Слав?“³⁶. Теперь, после того как науке стал известен сигиллий деспота Алексея Слава от 1220 г., предположение Й. Иванова может быть признано вполне достоверным. Столицей деспота Слава был город Мельник, где он построил монастырь Св. Богородицы Спилеотисы и подарил ему в феодальное владение с. Катунца³⁷. Да и вообще мы не знаем другой исторической личности из этой местности, которая была бы в таких близких связях с латинянами, как Алексей Слав, женатый на дочери латинского императора Генриха I³⁸. Все это дает основание утверждать, что под „севастом франков“ нужно подразумевать, вероятнее всего, деспота Алексея Слава.

³² П. Ников. Материали за средновековната история на България. — ГСУИФ, кн. XVIII, 1922, стр. 7 и 15, док. № 4; ср. П. Петров. Протосеваст Прибо. български феодален владетел в Македония през първата половина на XIII в. Сборник в чест на М. Дринов (в печати).

³³ Споменик СКА, III, 1890, стр. 12—13; ср. П. Петров. Ук. соч.

³⁴ Р. М. Грујић. Протосеваст Прибо, властелин у Скопской области прве половине XIII в. — Гласник Скопског Научног Друштва, кн. XII, Скопье, 1933 стр. 269.

³⁵ Н. Мавродинов. Църкви и манастири в Мельник и Рожен. — Годишник на Народния музей, кн. V, София, 1933, стр. 292; Й. Иванов. Ук. соч., стр. 212.

³⁶ Й. Иванов. Ук. соч., стр. 212—213.

³⁷ См. Ив. Дуйчев. Ук. соч., стр. 31—35.

³⁸ О деспоте Алексее Славе см. В. Н. Златарски. История на българската държава пред средните векове, т. III. София, 1940, стр. 270 сл.

В свете сказанного можно сделать некоторые выводы и о севасте Владимире. Несомненно прежде всего, что этот „единоутробный брат“ Алексея Слава не был просто ординарным чиновником в государстве Слава. Уже один тот факт, что он стал ктитором наиболее значительной церкви в Мельнике, показывает, что севаст Владимир должен был занимать и соответствующее высокое служебное положение. И это вполне логично и возможно. Известно, что административное устройство в фактически независимых владениях Слава и Стреза было организовано примерно так же, как и в болгарском государстве. Вполне естественно, что, опасаясь измены, Алексей Слав предпочел своего брата остальным боярам и доверил ему одну из наиболее высоких должностей в своем государстве. По всей видимости, севаст Владимир управлял одной из наиболее важных областей — Мельникской, где и находилась построенная им церковь.

4. *Севаст Лев Мосхопул и севаст Стефан Гавра.* Управителями областей во владениях севастократора Стреза, вероятно, были и два севаста — Лев Мосхопул и Стефан Гавра, о которых говорится в одном из документов Охридской архиепископии. Речь идет об одном из церковных решений, которым расторгался брак между севастом Львом Мосхопулом и дочерью скончавшегося севаста Стефана Гавры как заключенный под давлением севастократора Стреза и при несовершеннолетии невесты³⁹.

Этот документ точно так же говорит о высоком общественном положении севастов. Если бы они были обыкновенными чиновниками, севастократор Стрез едва ли был бы заинтересован создавать и поддерживать такими насильственными мерами родственные отношения между ними. А то, что именно севасты были правителями областей, показывают и сведения о двух других севастах, подвизавшихся как раз в это же самое время и примерно в тех же самых землях, — имеем в виду севастов Иоанна Плита и Григория Камо́ну.

5. *Севаст Иоанн Плит и севаст Григорий Камона.* Из документов Охридской архиепископии, связанных с именем Димитрия Хоматиана, стало известно, что управителем Верройской области был некий Иоанн Плит. К нему обращался Димитрий Хоматиан с просьбой о защите и покровительстве оставшемуся без матери верройцу Мелию⁴⁰. После присоединения Верройской области к владениям Эпирского деспотата, севаст Иоанн Плит сохранил дружеские связи с Димитрием Хоматианом и достиг чрезвычайно высоких должностей, став чуть ли не министром (*οἰκείου μεσάζωντος*)⁴¹. Это свидетельство точно так же говорит о высоком положении, которое севаст Иоанн Плит занимал до 1216 г. как правитель Верройской области во владениях севастократора Стреза, а после того — как один из высших должностных лиц в Эпирском деспотате. В самом деле, разве мог заурядный областной чиновник иметь столь широкие связи и достигнуть такого видного положения?

Видной личностью был и упоминавшийся уже выше севаст Григорий Камона, управитель Арбанаской области. Около 1216 г. севаст Григорий Камона развелся со старой своей женой и женился на ее родственнице, дочери сербского великого жупана Стефана Первовенчанного. Этот поступок вызвал протест местного (кройского) епископа, но встретил одобрение и поддержку со стороны Димитрия Хоматиана и его прия-

³⁹ П. Ников. Ук. соч., стр. 8 и 18, док. № 8.

⁴⁰ М. Дринов. Ук. соч., стр. 589, примеч. 16; ср. Ив. Снегаров. История на Охридската архиепископия, т. I. София, 1924, стр. 246.

⁴¹ М. Дринов. Ук. соч., стр. 589—590.

теля севаста Иоанна Плита. Между прочим, поддержка была связана и с тем обстоятельством, что в это время велись переговоры „о заключении родственных союзов между правительственными домами сербским и эфирским“⁴².

В той же самой Арбанаской области в конце XIII в. правителем был некий севаст Алексей Арганат⁴³.

6. *Севаст Иоанн*. Видной личностью в XIV в. был и севаст Иоанн, чье изображение как ктитора сохранилось на одном из пилястров церкви Св. Софии в Охриде. Сопутствующий изображению текст гласит: „Помяни, Христе, душу раба твоего севаста господина Иоанна из Просеника“ (μνήσθητι Χριστέ ψυχὴν τοῦ δούλου σὺ Ἰωάννης κυρὸς σεβαστὸς τοῦ Προσενικῆ)⁴⁴. И тут ктиторовство над такой большой церковью, как Охридская, свидетельствует, что и в XIV в. севасты продолжали оставаться людьми с очень высоким общественным положением и отнюдь не превратились в ординарных провинциальных чиновников.

* * *

Приведенные выше факты недвусмысленно подтверждают тезис о высоком общественном положении севастов как правителей областей. Но надо признать, что есть источники, которые на первый взгляд дают основание для другого истолкования этого титула. Так, например, в известной Боженицкой надписи сказано: „Азь севастъ ѿгнѣнь бихъ при цари Шишман[ѣ] кеф[а]лиа и много зло патихъ. В[ѣ] то врѣмь тѣрди воюахъ. Азь са дрѣжа[хѣ] з[а] вѣрь Шишмана царѣ“⁴⁵. Формулировка этой надписи дала основание П. Мутафчиеву утверждать, что болярам, получавшим пост кефалии или кастрофилакса, присваивался одновременно и почетный титул севаста⁴⁶. По аналогии с Боженицкой надписью Мутафчиев считал, что и севаст Алексей известной Станимакской надписи точно так же был кефалией или кастрофилаксом⁴⁷.

Выше уже была отмечена несостоятельность мнения Мутафчиева, будто бы севасты не имели определенной должности. Теперь необходимо добавить, что Мутафчиев неправильно толкует содержание и этих двух надписей. Так, например, Станимакская надпись гласит: „В лѣт[o] 5·Ψ·Δ·Θ енд[икта] ̅: 6 [ог] ѿ [мѣ] въздвиже [н]нии ц[а]рь Асѣнь блѣгаромъ и грѣкомъ таже и прочимъ странамъ постави Алексѣ севаста и Сизда сей градъ“⁴⁸. Означает ли эта надпись, что севаст Алексей был назначен кефалием или кастрофилаксом Станимакской крепости? Трудно сделать такой вывод. Гораздо вероятнее другое объяснение:

После битвы при Клокотнице владения Болгарии расширились чрезвычайно сильно. Новые земли получили административное устройство такое же, как в остальных частях страны. Во главе отдельных областей были поставлены гражданские, военные, финансовые и судебные чиновники. Пришлось восстанавливать и некоторые из важнейших крепостей,

⁴² М. Дринов. Ук. соч., стр. 602—603.

⁴³ Там же, стр. 605.

⁴⁴ Й. Иванов. Ук. соч., стр. 38.

⁴⁵ П. Мутафчиев. Боженишкият надпис, стр. 94; Ив. Дуйчев. Ук. соч., стр. 289.

⁴⁶ П. Мутафчиев. История на българския народ, т. II. София, 1943, стр. 155.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ В. Н. Златарски. Асеновият надпис, стр. 241—242; Ив. Дуйчев. Ук. соч., стр. 38.

которые к этому времени оказались в плохом состоянии. Наша надпись и говорит как раз об этих событиях. Дело, видимо, заключалось в том, что правителем одной из новоприсоединенных областей был назначен севаст Алексей и ему, наряду с другими делами, было поручено и восстановление и укрепление, надо думать, давно не ремонтировавшейся Станимакской крепости. Во всяком случае, из надписи трудно сделать вывод, что обязанность севаста Алексея была связана только с управлением крепостью. Но даже если и допустить, что севасту Алексею было поручено специально заботиться об упомянутой крепости, мнение П. Мутафчиева не станет более убедительным. На особенно опасных участках, главным образом по границам, севастам нередко необходимо было сосредоточить в своих руках всю военную власть и действовать преимущественно в качестве военных правителей. Но такая концентрация чрезвычайно большой, преимущественно военной власти в руках некоторых пограничных севастов не изменяла положения во внутренних областях страны и не противоречит утверждению, что севасты были правителями областей⁴⁹.

Все только что сказанное относится и к севасту Огняну из Боженицкой надписи. При наступлении турок на Балканский полуостров, когда их набеги начали достигать даже Софийской области, балканские проходы оказались в пограничной зоне. Оборона этих проходов приобрела первостепенное значение. Поэтому совершенно естественно было сосредоточить в руках верховных правителей пограничных областей больше власти, преимущественно военной, чем в руках остальных севастов. Именно поэтому севаст Огнян был в то же время и кефалией и — как это четко указывает надпись — как раз тогда, когда нападали турки и когда Огнян сражался против них.

В этом отношении Станимакская и Боженицкая надписи действительно схожи друг с другом: они касаются положения севастов в пограничных областях во время войны или во всяком случае в период подготовки к ней.

Напряженное положение, характерное для некоторых пограничных областей, могло привести к тому, что в исключительных случаях всю власть сосредоточивал в своих руках не севаст, а кефалия. Такой случай, по-видимому, отражен в Витошской грамоте. Там сказано: „И такози црво ми ѿсвобажать тѣи манастирь црва ми съ вѣсѣмъ достоаниемъ и прилежаниемъ того манастирь да не смѣтъ метехати на тѣмъ манастиремъ ни кефалие Срѣдешъское на стаси манастирьскѣ и на люми село Новауаны иже са находятъ въ градѣ црва ми Софи на тѣми люми да не метеха ни кефалие Срѣдешъское то ни мѡ пряхторе, ни кастрофилаци, ни мѡ десатници, ни примикюре же, ни алагаторе потомъ ни перѣпираке црва ми“ и т. д.⁵⁰

Мы видим, что сказанное здесь о правах кефалии г. Софии полностью совпадает со сведениями о правах севастов из других грамот. Но значит ли это, что к концу XIV в. термин «севаст» равнозначен термину „кефалия“? Нет, не значит, и данные Рильской грамоты, рассмотренные нами выше и относящиеся как раз к тому же времени, о котором гово-

⁴⁹ В дополнение к приведенным выше материалам упомянем, что в конце XII в. севастом и дукой Скопской области был Константин Аспнет Ангел (σεβαστοῦ καὶ δουκὸς Σκοπίων τοῦ Κομνηνοῦ χιροῦ Κωνσταντίνου τοῦ Ἀσπνέτου). См. П. Ников. Ук. соч., стр. 7 и 12, док. № 3.

⁵⁰ И. Иванов. Ук. соч., стр. 600;

рит и Витошская грамота, решительно предостерегают против такого вывода. Да и Боженицкая надпись, в которой упомянуты оба титула, точно так же не дает нам права считать, что термин „кефалия“ стал равнозначен термину „севаст“ и постепенно его заменил. Но как же тогда объяснить тот факт, что в Витошской грамоте обязанность севаста приписана кефалии?

Во-первых, следует напомнить, что ни в одном из источников, относящихся ко Второму Болгарскому царству, София с ее округой не отмечена как самостоятельная область. Софийская область не упомянута и в списке областей, перечисленных в известной Дубровницкой грамоте — Иоанна Асеня II⁵¹. Но даже если и принять, что как важный епископский центр София была и центром области, то это еще не значит, что она оставалась таковым вплоть до конца XIV в. Весьма вероятно, что наступление турок, особенно когда оно достигло непосредственно ее окраин, могло вызвать необходимость и в реорганизации ее управления. С сокращением территории и с обострением военных действий область, видимо, была превращена в своего рода военно-пограничный округ и полностью подчинена в административном, финансовом и судебном отношении военному правителю — кефалии.

Этим особым положением, связанным с турецким нашествием, можно объяснить и надпись севаста Огняна. Напомним, что эта надпись обнаружена недалеко от Софии и посвящена, надо думать, событиям именно в этой области. Один из руководителей борьбы против турок, севаст Огнян, исполнял и должность кефалии⁵².

Таким образом, анализ всех известных нам материалов свидетельствует, что в средневековом болгарском государстве севасты являлись правителями областей и сосредотачивали в своих руках всю власть в области. В их подчинении находились все остальные административные, военные, финансовые и судебные чиновники, начиная с дук и катепанов и кончая рядовыми сборщиками налогов. В особых случаях севасты могли совмещать со своей должностью и такие ответственные должности, как, скажем, дуки или кефалии. Вместе с тем бывали, очевидно, и такие случаи, когда в некоторых особо угрожаемых пограничных районах вся власть (а следовательно, и функции севастов) сосредоточивались в руках кефалии.

Как видим, сведения о положении севастов в Болгарии существенно отличаются от того, что нам известно о севастах из сербских источников. В Сербии, например, термин „севаст“ встречается достаточно поздно — только со времени короля Стефана Драгутина (1276—1282) и связывается он там с самыми различными функциями: то с судейскими, то с правами собирать налоги и налагать штрафы, то с общеадминистративными обязанностями; упоминается и „севаст градскы“⁵³. Все эти сведения, очень важные для истории Сербии, не опровергают, конечно, того, что нам известно из болгарских источников. Но они показывают, как осторожно надо относиться к заимствованию материалов для нашей

⁵¹ Й. Иванов. Ук. соч., стр. 578;

⁵² Касаясь вопроса о термине „кефалия“ в Болгарии, небезынтересно провести некоторые сопоставления с Сербией. Туда этот термин проник в начале XIV в., и то только в пограничные города — такие, как Скопле и Скадар. Но позднее он получил более широкое распространение. Со времени Стефана Душана все королевские наместники носят этот титул. Во второй половине XIV в. положение кефалий снова изменилось — они были облечены некоторыми полицейскими и судебными функциями. См. К. Иречек. Историја Срба, т. III. Београд, 1923, стр. 20.

⁵³ П. Мутафчиев. Боженишкият надпис, стр. 95; К. Иречек. Историја Срба, т. III, стр. 20.

истории из византийских и сербских источников. Без сопоставлений, конечно, нельзя, но нельзя пренебрегать и особенностями в развитии нашей страны и нашего народа.

О ТИТУЛЕ „ПРОТОСЕВАСТ“

В Византии во времена Алексея Комнина наряду с титулом „севаст“ были установлены и некоторые другие титулы, производные от него: „севастократор“ (*σεβαστοκράτωρ*), «протосеваст» (*протоσεβαστος*) „паниперсеваст“ (*πανιπεροσεβαστος*) и др., которые давались императорским детям и наиболее близким царским родственникам⁵⁴.

Титулы „севастократор“ и „протосеваст“ были распространены и в средневековом болгарском государстве, и важно установить их значение и соотношение с титулом „севаст“.

Положение севастократоров у нас ясно. Это были обычно крупные феодалы, близкие родственники царя. В их владении часто находилось по нескольку областей, и совершенно естественно предположить, что севасты им были подчинены.

Менее выяснен вопрос о содержании термина „протосеваст“. Обычно привлекались лишь два источника: упоминавшаяся уже грамота протосеваста Прибо и § 132 Синодика царя Борила⁵⁵. Но этих сведений крайне недостаточно для характеристики положения протосевастов, и поэтому авторы довольствовались в большинстве случаев тем только, что отмечали, что титул протосеваста был „одним из наиболее высоких придворных титулов“⁵⁶, не пытаясь определить его реальное значение. Мы думаем, однако, что даже и из этих материалов можно сделать более определенные выводы, если только рассматривать их в свете всего сказанного выше о севастах.

Так, можно утверждать, что протосеваст, несомненно, занимал значительно более высокую должность, чем севаст. Об этом, в частности, говорит и карьера Прибо: вспомним, что после возведения его в протосевасты его власть распространилась и на другие области Македонии. Вообще нет оснований думать, что севасты как правители областей были прямо подчинены центральной власти. Гораздо вероятнее допустить, что отдельные области были объединены в большие административные единицы, во главе которых стояли или деспот, или севастократор, или же протосеваст.

Это предположение подтверждается и сведениями о протосевасте Хрельо, оставившем нам известную надпись⁵⁷. Эти сведения до настоящего времени не привлекались при изучении вопроса о значении титула „протосеваст“. Протосеваст Хрельо, как известно, был крупным феодальным владельцем в Македонии, который с успехом лавировал между болгарами, сербами и византийцами, пока, наконец, не вынужден был признать верховную власть Стефана Душана⁵⁸. Но нам сейчас важно то, что биография Хрельо убедительно свидетельствует, во-первых, что термин „протосеваст“ не являлся обозначением только ранга, т. е. титулом

⁵⁴ В. Н. Златарски. Асеновият надпис, стр. 245.

⁵⁵ М. Попруженко. Синодик царя Борила. София, 1928, стр. 90, § 132: Ив. Дуйчев. Ук. соч., стр. 164.

⁵⁶ М. Ласкарис. Ук. соч., стр. 37; Ив. Дуйчев. Ук. соч., стр. 317.

⁵⁷ Ив. Дуйчев. Ук. соч., стр. 280.

⁵⁸ Г. Баласчев. — „Минало“, год. II, кн. 5—6, 1911, стр. 19.

в узком смысле этого слова, а указывал и на должность, и, во-вторых, что протосеваст был правителем огромной территории⁵⁹.

Все сказанное выше дает возможность правильно понять и то место из Синодика Борила, которое гласит: „Монаху Феодосию, который был протосевастом великого царя Ивана Александра вечная [память]“⁶⁰. Этот протосеваст Ивана Александра, ставший позднее монахом, ни в каком случае не мог быть простым дворцовым служителем, но, несомненно, был одним из высших административных чиновников⁶¹. Он должен был быть весьма известным лицом, чтобы его имя могло попасть в синодик.

Итак, данные, которые мы привели, ясно показывают, что титул протосеваста не являлся просто обозначением ранга, но и указывал на должность высшего государственного чиновника, объединявшего в своих руках управление несколькими областями. По должности протосевасты были по существу равнозначны севастократорам, но как титул звание протосеваста было несколько ниже звания севастократора, так как последнее давалось только царским родственникам.

⁵⁹ Это, между прочим, дает право с еще большей определенностью утверждать, что после возведения в протосевасты Прибо стал правителем всех македонских земель.

⁶⁰ Ив. Дуйчев. Ук. соч., стр. 164.

⁶¹ Прямой аналогией судьбе монаха Феодосия может служить судьба чыргубиля Мостича, который, после того как долгие годы исполнял высшую государственную службу чыргубиля, тоже в конце своей жизни стал монахом (см. Ст. Станчев. „Надгробният надпис на един преславски болярин от X в.“ ИП, год. XI, 4, 1955, стр. 61—76.